

© А. Бенса

ПЬЕР БУРДЬЕ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

На мой взгляд, вклад Пьера Бурдьё в антропологию связан прежде всего с его ослабленным вниманием к условиям создания и последующих изменений социальных и символических структур. Многие в его трудах перекликается с классической антропологией – а именно попытки осмыслить генезис и трансформации систем, которые Бурдьё отказывается считать устойчивыми и постоянными единицами. Таким образом, он выступает противником статичных концепций “социального” и демонстрирует со всей очевидностью высокую степень политической обусловленности социальных отношений. Отказываясь от обособления сферы “символического”, он обращается к антропологическим теориям, рассматривающим отношение игроков к правилам игры, и стремится вернуть игрокам пространство для действий и выбора, который, по его мнению, отнюдь не является автоматическим, даже при наличии мощных предопределяющих факторов. Бурдьё, следовательно, можно рассматривать как критика Леви-Стросса, от которого он последовательно отмежевывается, утверждая все более решительно необходимость анализа социальных практик скорее с точки зрения соотношения сил в конкретном историческом контексте, чем с точки зрения следования неким безусловным и вневременным правилам.

Возвращаясь, в духе Сартра, к критике идеологий и форм доминирования, Бурдьё выстраивает многочисленные мостики между антропологией и политикой. Его исследования в области социальной и политической истории общественных наук обретают особый смысл в этой перспективе, выворачивающей наизнанку всевозможные популизмы и примитивизмы, которыми нередко грешит антропология.

Разобью свои дальнейшие комментарии на ряд конкретных пунктов.

1) Те французские этнологи, которых можно назвать этнологами в строгом смысле этого слова, – т.е. те, кто продолжает позиционировать себя как специалиста по примитивным или традиционным обществам, – не уделяют особого внимания творчеству Бурдьё, считая последнего в первую очередь социологом. В основном лишь этнологи, работавшие в сельских местностях современной Франции, интересовались его трудами, посвященными юго-западу страны. В исследованиях брачных практик в сельских коммунах Франции часто можно встретить ссылки на тексты Бурдьё, в которых рассматриваются брак и целибат в Беарне. Элизабет Клаври и Пьер Ламезон в их работе (*Claverie, Lamaison 1982*) явно опираются на вклад Бурдьё в развитие теории брачных и земельно-собственнических стратегий сельского населения и задаются вопросом о том, насколько осознанными являются эти стратегии. Точно так же во всех исследованиях трансформаций сельской среды во Франции после 1950-х годов присутствуют ссылки на тексты Бурдьё о беарнских холостяках.

Напротив, его очень убедительные исследования родства у арабов практически не цитируются французскими специалистами, работающими в этой области. Бурдьё, включая в анализ родственных практик такие “внешние” по отношению к системам родства понятия, как “капитал” (экономический или символический), “стратегия”, “официальное родство” и “неофициальное родство”, критикует понятие “чистого” родства, что оказывается неприемлемым с точки зрения формализма и структурализма, все еще достаточно влиятельных во Франции.

По случаю смерти Бурдьё в январе 2002 г. ни один из антропологических (опять же в *строгом* смысле этого слова) журналов не опубликовал некролога, что весьма показательно. Труды Бурдьё обсуждаются преимущественно лишь в узком кругу француз-

Альбан Бенса (Bensa) – научный сотрудник Высшей школы социальных исследований (г. Париж, Франция).

ских этнологов-теоретиков, изучающих такие явления, как дар и власть, или использование символов (назовем Ж. Базена, А. Кайе, Э. Фазена, Б. Вернье) либо исследующих этнологическую практику (например, А. Бенса, Д. Сефаи, Э. Фазен)¹.

2) Дебаты вокруг творчества Бурдьё расширились и приняли более конкретную форму в отдельных монографических исследованиях этнологов (*Bourgeois* 2001) или социологов, использующих в своих исследованиях метод углубленного качественного анализа (*Beaud, Pialoux* 1999; *Wacquant* 2002; *Memmi et al.* 2003; *Weber* 1989). В них речь идет о критическом переосмыслении понятия “габитус”, а также о влиянии рефлексивности ученого на конструирование и понимание им собственного объекта исследования. Однако обсуждения этих новаторских вопросов, в которых явно продолжают развиваться размышления Бурдьё, судя по всему, оставляют равнодушными этнологов, сохраняющих верность структурализму.

3) Немало работ было посвящено творчеству Бурдьё уже после его смерти. Чаще всего это коллективные труды, объединяющие как апологетические, так и критические статьи; но существуют и более ранние тексты, в которых справедливо критикуются отдельные направления мысли Бурдьё, – например, тексты Мишеля де Серто (*de Certeau* 1990).

4) Некоторые этнологи опираются на мысли Бурдьё в своей работе: это, например, Б. Вернье, П. Буржуа, Н. Ренаи, Ж. Лаферте, Э. Виттершейм². Часто это молодые исследователи, не находящие для себя интереса во внеконтекстных этнографических описаниях.

5) В 1980-х годах воззрения Бурдьё воспринимались, по моему мнению, скорее как веберианские, чем как марксистские. В то время в них также еще сильно ощущалось влияние структурализма. Бурдьё развивал положения объяснительной социологии и этнологии, отводя важное место “схемам, порождающим практики”, и структурному воспроизводству таких “схем”. Сначала Бурдьё и его соратники были заняты скорее анализом механизмов воспроизводства социального неравенства, нежели их открытым разоблачением. Публикация коллективного труда “*La misere du monde*” (*Bourdieu* 1993) знаменовала собой поворот в сторону более выраженной критики французской государственной власти и ее экономической стратегии. В этом контексте Бурдьё берет на вооружение марксистские идеи и обращается, на фоне беспрецедентного во Франции с 1945 г. социального кризиса, к разоблачению последствий либерализма и глобализации. Начиная с 1990-х годов Бурдьё приобретает репутацию ученого с выраженной политической позицией, стремящегося поставить на службу наименее защищенным слоям общества объективную и разоблачающую несправедливость социальную науку.

6) Большинство французских антропологов так и не стали последователями Бурдьё – за исключением тех, кто изучает социальное неблагополучие или проблемы колониализма. Так, в исследованиях, посвященных СПИДу, новым формам семьи, проблеме взаимоотношений между полами и особенно изменениям в сфере труда и занятости, многое черпается из тех работ Бурдьё, в которых продолжается традиция, заложенная трудом “*La misere du monde*”.

Идея о возможности расширения горизонтов сознания угнетаемых слоев населения под влиянием трудов социологов нашла мощный политический отклик среди активистов левого и крайнего левого флангов. Стремление доказать, что, вопреки воспроизводству габитусов, существующий зазор между “повторением прошлого” и “конструированием будущего” все-таки оставляет социальным актерам шанс для изменения окружающей действительности, стало теоретическим обоснованием для многочисленных полевых исследований в области как городской этнологии, так и социальной истории. Работы по антропологии колониализма также были во многом вдохновлены рассуждениями Бурдьё о символическом насилии, о “культуралистском” использовании этнологии как колонизованными народами, так и их колонизаторами, о необходимости

установления промежуточного звена между микросоциологическим уровнем и макроэкономической плоскостью, на которой наблюдаются структурные трансформации.

Резюмируя сказанное, отмечу, что, несмотря на всю значимость трудов Бурдьё для этнологической теории и методологии, я думаю, что французские этнологи извлекли еще далеко не все уроки из его наследия.

Примечания

¹ См., напр.: Bazin 1996; Caillé 1986; Fassin, Fabre 2003; Vernier 1991; Bensa 2006; Cefai 2003.

² См., напр.: Vernier 1991; Bourgois 2001; Renahy 2005; Laferte 2006; Wittersheim 2006.

Литература

- Bazin 1996 – Bazin J. Interpréter ou décrire. Notes critiques sur la connaissance anthropologique // Une École pour les sciences sociales / Ed. J. Revel, N. Wachtel. P.: Cerf/Éd. de l'EHESS, 1996. P. 401–420.
- Beaud, Pialoux 1999 – Beaud S., Pialoux M. Retour sur la condition ouvrière. P.: Fayard, 1999.
- Bensa 2006 – Bensa A. La fin de l'exotisme. Essais d'anthropologie critique. Toulouse: Anacharsis, 2006.
- Bourdieu 1993 – La misère du monde / Dir. P. Bourdieu. P.: Seuil, 1993.
- Bourgois 2001 – Bourgois P. En quête de respect: le crack à New York. P.: Seuil, 2001.
- Caillé 1986 – Caillé A. Splendeurs et misères des sciences sociales. Genève, P.: Librairie Droz, 1986.
- Cefai 2003 – Cefai D. L'enquête de terrain. P.: La Découverte, 2003.
- de Certeau 1990 – de Certeau M. Foucault et Bourdieu // L'invention du quotidien. Vol. I. Arts de faire. P.: Gallimard, 1990. P. 75–96.
- Claverie, Lamaison 1982 – Claverie E., Lamaison P. L'impossible mariage. Violence et parenté en Gévaudan 17e, 18e et 19e siècles. P.: Hachette, 1982.
- Fassin, Fabre 2003 – Fassin E., Fabre C. Liberté, Egalité, Sexualité. Actualité politique des questions sexuelles. P.: Belfond, 2003.
- Laferte 2006 – Laferte G. La Bourgogne et ses vins: images d'origine contrôlée. P.: Belin, 2006.
- Memmi et al. 2003 – Memmi D., Fassi D. et al. Le Gouvernement des corps. P.: La Découverte, 2003.
- Renahy 2005 – Renahy N. Les gars du coin. Enquête sur une jeunesse rurale. P.: Editions de la Découverte, 2005.
- Vernier 1991 – Vernier B. La genèse sociale des sentiments. Aînés et cadets dans l'île grecque de Karpathos. P.: Editions de l'École des Hautes Études en Sciences Sociales, 1991.
- Wacquant 2002 – Wacquant L. Corps et Ames. Carnets ethnographiques d'un apprenti boxeur. Marseille: Agone, 2002.
- Weber 1989 – Weber F. Le travail à-côté. Étude d'ethnographie ouvrière. P.: INRA/Éd. de l'EHESS, 1989.
- Wittersheim 2006 – Wittersheim E. Des sociétés dans l'État. Anthropologie et situations postcoloniales en Mélanésie. P.: Aux lieux d'être, 2006.

Пер. с франц. Е.И. Филипповой

P.O. Rykin. From Models to Strategies: Pierre Bourdieu and His Contribution to Ethnological Theory

J.D. Faubion. Bourdieu in America

A. Bensa. Pierre Bourdieu and Social Anthropology

The article by P.O. Rykin presents a critical survey of works by Pierre Bourdieu (1930–2002), one of the major figures in world's social sciences in the second half of the twentieth century. The author argues that the contribution Bourdieu has made to ethnological theory remains not fully appreciated up to the present day. He points to the fact that many of Bourdieu's theoretical concepts originated from his ethnographic field experience among the Bearn peasants and the Kabyl in the 1950s–1970s. Considering that, it is rather odd that there still are few attempts at applying his ideas to ethnological tasks. The author tries to demonstrate the significance of Bourdieu's dialectical model of theorizing for ethnologists by analyzing Bourdieu's main concepts, such as agent, practice, capital, habitus, etc., and by discussing his theory of kinship and marriage. The article is followed by comments written by two scholars who studied Bourdieu's work extensively – James Faubion (Rice University, USA) and Alban Bensa (l'École des hautes études en sciences sociales, France) – and who present complementary views on the reception of Bourdieu's thought in the United States and French social sciences and humanities.